

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Бояркина Полина Викторовна

ОНЕГИНСКИЙ ТИП ГЕРОЯ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Специальность 10.01.01. Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Санкт-Петербург — 2020

Работа выполнена в Отделе пушкиноведения ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН»

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
Виролайнен Мария Наумовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
истории русской литературы Санкт-
Петербургского государственного
университета
Александр Анатольевич Карпов

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и
зарубежной литературы
Национального исследовательского
Томского государственного
университета
Ольга Борисовна Лебедева

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО Московский
педагогический государственный
университет

Защита состоится _____ 20 ____ года в _____ часов на заседании
диссертационного совета _____ при Институте русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова,
4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на
официальном сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
Автореферат разослан «_____» _____ 20 ____ г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
доктор филологических наук

С. А. Семячко

Общая характеристика работы

В историческом поле художественной литературы существуют герои, которые вновь и вновь возвращаются на страницы произведений, то сохраняя однажды данное им имя, то появляясь под другими именами, но оставаясь узнаваемыми. Иногда они имеют фольклорное происхождение, как Фауст или Дон Жуан, иногда являются индивидуальным созданием автора, как Гамлет или Чайльд-Гарольд. В каждом из героев такого рода воплощен определенный литературный тип, сохраняющий в позднейших текстах свои ключевые характеристики.

Для русской традиции, и прежде всего для традиции русского романа, онегинский тип героя оказался востребованным ничуть не менее, чем, скажем, фаустовский тип для мировой культуры, а «Евгений Онегин» стал тем текстом-посредником, через который русские герои онегинского типа оказались генетически связаны с мировой литературной традицией.

Цель настоящего исследования — эксплицировать общую линию преемственности, которая через пушкинский роман связывает представленных в русской традиции героев онегинского типа как между собой, так и с героями европейской литературы начала XIX в.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- определить используемое в ходе работы понятие «литературный тип»;
- с опорой на результаты многочисленных исследований, посвященных европейским источникам «Евгения Онегина», дать типологию европейских героев, с ориентацией на которых создавался образ Онегина;
- выявить в русской литературной традиции 1820–1880-х гг. героев онегинского типа;
- проследить, как на разных этапах развития русской литературы меняется жанровая природа произведений, в которых появляются герои онегинского типа;

— проанализировать исторические трансформации героев онегинского типа.

Необходимо оговорить, что художественный мир исследуемых произведений рассматривается лишь под определенным углом зрения, концентрирующем внимание на типе героя и позволяющем проследить обозначенную линию преемственности.

Актуальность исследования определяется интересом современной филологии к проблемам литературного канона, одной из существенных составляющих которого, несомненно, является устойчивый тип героя.

Новизну исследования составляет предпринятая в нем попытка впервые проследить общую линию преемственности, идущую от европейских источников «Евгения Онегина» к русской литературе XIX века.

Предмет исследования — произведения, в которых представлен герой, наделенный онегинскими чертами. Нас интересовала и наиболее отчетливо эксплицированная магистральная линия героев, воплощенная в произведениях авторов так называемого первого ряда, и череда героев, появляющихся в произведениях менее значимых, в которых иногда наиболее явственно проявляются типические черты и подготавливается почва для очередного яркого воплощения исследуемого типа героя.

Объект исследования — позволяющий говорить о единстве традиции тип героя, его появление в западноевропейских литературных источниках, воплощение в пушкинском романе и модификации в позднейшей русской традиции.

В качестве **материала** выбраны те произведения, которые, на наш взгляд, наиболее репрезентативны для освещения поставленной проблемы. Из пушкинских текстов к ним относятся, кроме «Евгения Онегина», «Кавказский пленник», «Цыганы» и «Сцена из Фауста». Исследования западноевропейского литературного генезиса интересующего нас типа героя сосредоточены вокруг творчества Дж. Г. Байрона, Дж. Полидори, Б. Констана, Фр. Р. Де Шатобриана, Ч. Р. Метьюрина, Ш. Нодье, Ж.-Ж. Руссо,

С. Ричардсона, Л. Стерна и В. Скотта. В русской литературной традиции исследуются тексты Н. М. Карамзина, А. Полежаева, И. П. Косяровского, В. К. Кюхельбекера, А. А. Башилова, П. Г. Волкова, Е. Воскресенского, Н. Н. Муравьева, А. И. Подолинского, А. Северинова, В. Горкуши, И. Е. Великопольского (Ивелева), Е. А. Баратынского, Н. Карцова, А. Н. Карамзина, П. В. Кукольника, Н. Н. Федотова, Н. Анордиста (Радостина), Н. Колотенко, А. А. Бестужева-Марлинского, О. И. Сенковского, Н. М. Языкова, Ф. Вахрушева, М. В. Авдеева, а также анонимных авторов, ряд произведений М. Ю. Лермонтова, Ап. Григорьева, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и Ф. М. Достоевского.

В работе использованы историко-литературный, типологический и компаративный методы исследования материала. Наиболее существенными теоретическими ориентирами служат работы Л. Я. Гинзбург и С. Г. Бочарова, а также посвященные теории романа исследования М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана¹.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) Под литературным типом в настоящем исследовании понимается совокупность черт, которые с разной степенью полноты проявляются в целом ряде героев литературной традиции. Тип отличается от характера, который является конкретным воплощением литературного типа в том или ином художественном произведении. Каждое новое воплощение варьирует типовые характеристики, но пока они остаются узнаваемыми, можно говорить о принадлежности героя к определенному литературному типу.

---

¹ Гинзбург Л. Я. О литературном герое. М., 1979; Бочаров С. Г. Характеры и обстоятельства // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. М., 1962. Т. 1. С. 312–451; Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2012. Т. 3: Теория романа (1930—1961 гг.). С. 9–218, 337–552, 557–661; Лотман Ю. М. О сюжетном пространстве русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1993. Т. 3. С. 91–106.

- 2) Созданный Пушкиным образ Онегина имеет европейский генезис, и это вносит существенную поправку в восприятие данного типа героя как специфически русского. Облик героя сформирован взаимодействием и взаимоналожением разных черт его литературных предшественников; одни черты прописаны резко, другие улавливаются только через отсылки к претекстам. Полигенетичность образа (создававшая у первых читателей ощущение неясности характера) стала залогом продуктивного развития его в качестве типового героя.
- 3) Анализ литературного генезиса онегинского образа позволяет выявить два разных типа героев, черты которых соединены в пушкинском Евгении. Один из них представлен героями «демонической» линии (персонажи восточных поэм Байрона, а также произведений Метьюрина, Полидори и Нодье), другой — героями пассивными и рефлексирующими (Адольф, Чайльд-Гарольд, Рене, отчасти байроновский Дон Жуан). Кроме того, Онегин в известной мере наследует и героям-соблазнителям сентиментальных романов XVIII в.
- 4) Сразу после публикации первой главы пушкинский роман стал образцом для подражаний и пародий, авторы которых пытались имитировать жанровую природу романа в стихах и стихотворной повести. Образ героя, казавшийся не вполне ясным, упрощался, сводился к однозначным. Иногда онегинские черты сообщались герою, больше схожему с Ленским, в котором виделся знакомый романтический тип.
- 5) Непосредственное обращение не только к пушкинскому тексту, но и к его литературному генезису происходит в творчестве Лермонтова, который проводит вереницу героев, замыкающуюся Печориным, через жанры поэмы, драмы, романа, варьируя в их контекстах возможности воплощения различных версий образа.

Лермонтов — первый из продолжателей Пушкина, совместивший в одном герое два типа (рефлектирующий и демонический), представленные в европейских претекстах романа в стихах.

- 6) В 1840-е годы принцип общественной пользы выдвигается на первое место, и внелитературная точка зрения начинает формировать восприятие онегинского типа, который сливается в культурном сознании с типом либералиста-западника 40-х годов, наиболее полно воплотившимся в образе Рудина. После выхода «Дневника лишнего человека» И. С. Тургенева за героями онегинского типа (и за самим Онегиным) надолго закрепляется определение «лишний человек», предполагающее социальную непродуктивность как ключевую характеристику. И в то же время в творчестве различных авторов находят свое воплощение «пассивный» и «демонический» типы. Первый — в стихотворных драматических сценах Языкова «Странный случай», а также в тургеневских Рудине и Лаврецком, второй — в поэмах Ап. Григорьева. Некоторые признаки «демонического» героя сообщены Инсарову в «Накануне». Свое крайнее выражение пассивный тип получает у Гончарова в Обломове, а в его же «Обрыве» «демонический» и «пассивный» типы воплощаются в двух различных персонажах. В героях Герцена и Огарева смешиваются черты Онегина и Печорина, а Михаил Авдеев в «Тамарине» дает пародию на порожденное лермонтовским героем социальное явление.
- 7) Достоевский стал вторым после Лермонтова автором, вернувшим онегинскому типу героя его полигенетичную природу (наследие Байрона, Констан, Пушкина, Лермонтова, Тургенева), и это можно рассматривать как определенный итог рассматриваемой традиции.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные результаты при разработке вузовских курсов по истории русской литературы, при подготовке учебных пособий и при комментировании проанализированных в диссертации произведений.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в докладах, прочитанных на конференциях:

1) «Онегинский тип героя: к вопросу о генезисе и эволюции» (XVIII Международная конференция студентов-филологов; СПбГУ, 6–11 апреля 2015 г.);

2) «Онегинский тип героя: западно-европейский генезис русского национального характера» (II ежегодная конференция молодых исследователей «Русская литература в компаративной перспективе»; НИУ ВШЭ, Москва, 11–12 ноября 2016 г.);

3) «Набоков и Гончаров (к истории русского метаромана)» (Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2017»; МГУ, 10–14 апреля 2017 г.);

4) «Онегинская традиция: ранняя рецепция жанра и героя» (Ежегодная Международная конференция молодых филологов; Тартуский университет, 28 апреля — 1 мая 2017 г.);

5) «Онегинский тип героя: между Онегиным и Печориным» (XLVII Международная филологическая научная конференция; СПбГУ, 19–28 марта 2018 г.);

6) «От Евгения Онегина к Демону Вину» (Международные «Набоковские чтения»; ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 3–5 июля 2019 г.)

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключение и Списка использованной литературы. Общий объем работы составляет 246 страниц.

Основное содержание работы

Во **Введении** охарактеризованы объект, предмет и методология исследования, определены его цели и задачи, дана оценка изученности темы, обоснованы актуальность и научная новизна работы, а также охарактеризованы ключевые для нее теоретические понятия «типа» и «характера».

В **первой главе «Герой пушкинского романа и его литературный генезис»** обобщен опыт исследований, посвященных европейскому литературному генезису пушкинского романа и героя, а также дана характеристика онегинского типа: перечислены определяющие его черты.

§ 1. Принципы поэтики, унаследованные от Байрона. На связь с Байроном Пушкин дал настойчивые указания в тексте самого романа (в первой, третьей, пятой и седьмой главах). В числе исследователей, занимавшихся темой «“Евгений Онегин” и Байрон» необходимо назвать В. С. Баевского, А. В. Беликову, М. В. Болгову, Ю. Н. Борисова, С. Г. Бочарова, В. Н. Викери, М. Гринлиф, А. М. Гуревича, А. С. Долинина, В. М. Жирмунского, А. В. Кулагина, Е. И. Потемину, В. Д. Рака. Явные и скрытые отсылки к Байрону с большей или меньшей степенью полноты раскрываются в комментариях к роману Н. Л. Бродского, В. В. Набокова и Ю. М. Лотмана. Работы этих авторов дают весьма развернутое представление об особенностях поэтики пушкинского романа, генетически связанных с творчеством Байрона. Наиболее существенные из них — строфическая форма, пропуски текста и фрагментарность повествования, авторские отступления, тон личной, непринужденной беседы, обсуждение литературных вопросов, «пограничная» роль героя-автора. Пушкин открыто использует байроновские словесных формулы и сюжетные ходы (например, путешествие Онегина должно ассоциироваться со странствиями Чайльд-Гарольда).

§ 2. Литературные предшественники Онегина. Имена западноевропейских героев, с ориентацией на которых создавался образ Онегина, в большинстве своем так же прямо, как ссылки на Байрона,

обозначены в тексте самого романа (некоторые из них остались в черновиках) и, естественно, оказались в поле зрения исследователей. Речь прежде всего идет о героях С. Ричардсона (романы «Кларисса, или История юной леди» (1748) и «История сэра Чарльза Грандиссона» (1753)), Ж.-Ж. Руссо («Юлия, или Новая Элоиза» (1761)), Л. Стерна («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена» (1760—1767)), И. В. Гете («Страдания молодого Вертера» (1774)), П. А. Ф. Шодерло де Лакло («Опасные связи» (1782)), Ж.-Б. Луве де Кувре («Приключения кавалера Фоблаза» (1787—1790)), Ж.-Ф. Мармонтеля («Новые нравоучительные рассказы» (1792)), В. Ю. Крюденер («Валери» (1803)), М. С. Коттен («Матильда, или Крестовые походы» (1805)), Б. Констан («Адольф» (1807, опубл. 1816)), Ф. Р. де Шатобриана («Рене, или Следствия страстей» (1802; опубл. 1815)), Ш. Нодье («Жан Сбогар» (1818)), Дж. Полидори («Вампир» (1819)), Ч. Р. Метьюрина («Мельмот Скиталец» (1820)) и В. Скотта («Пират» (1822)).

При описании литературного типа, воплощенного в Евгении Онегине, часто используется устойчивый набор характеристик, восходящих к европейской традиции: он определяется как байронический демонический тип, как герой рефлексирующий, разочарованный, охлажденный, пресыщенный, скучающий. Такая характеристика верна как суммарная, она обобщает качества, которые перейдут от Онегина к целому ряду героев русской классики, но, как всякое широкое обобщение, упускает из виду весьма существенные подробности. Главная заключается в том, что речь, строго говоря, должна идти не об одном, а о двух совмещенных в Онегине типах героев: пассивном, скучающем, рефлектирующем (Чайльд-Гарольд и Дон Жуан Байрона, Адольф Констан, Рене Шатобриана), с одной стороны, и демоническом (Мельмот Метьюрина, Жан Сбогар Нодье, лорд Ротвен Полидори, Кливленд В. Скотта), с другой. Их черты будут затем то расходиться, то сочетаться в героях русской литературы.

Нескольким романам, «В которых отразился век, / И современный человек / Изображен довольно верно»², противопоставлена в тексте «Онегина» традиция «старого» сентиментального семейно-бытового нравоописательного романа в письмах (в первую очередь это романы Ричардсона, Руссо, Гете, Крюденер и Коттен, которыми зачитывается Татьяна). Обрисованная Пушкиным с легкой иронией, эта жанровая традиция тем не менее нашла свое преломление в «Евгении Онегине». Весьма существенным стало, в частности, то, что в центре романа подобного типа непременно находится любовная история.

§ 3. Онегинский тип. Ориентация на множество далеко не всегда близких друг другу образцов, придавая потенциальный объем образу главного героя, в то же время создавала ощущение какой-то неясности и вызывала неоднозначную реакцию критиков — отклики варьировались от утверждения, что характер «не очертан» (Ф. В. Булгарин) до признания его близости читателям (Н. А. Полевой).

Онегинский тип в том виде, в каком он задан пушкинским романом, обладает как реализованными в ходе сюжета, так и заложенными в герое потенциальными возможностями, которые в ходе дальнейшего литературного развития могли воплощаться уже как явные черты персонажей. Перечень более или менее стабильных признаков, унаследованных позднейшей традицией, заведомо содержит ряд внутренних противоречий. К типовым характеристикам героя относятся разочарованность, пресыщенность, охлажденность, скука; скептицизм; демонизм; противоречивость характера; рефлексия и саморефлексия; способность выступать в роли героя-соблазнителя или «благородного разбойника»; отсутствие/наличие писательского дарования. Сюжетные положения, в которые поставлен такой герой, также являются типовыми: герой вписан в современный и, в частности, социальный контекст; его отличает социальная бездеятельность; он так или иначе знаком автору; читатель узнает о его происхождении и воспитании, но

---

² Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 6. С. 148.

дальнейший рассказ о его биографии содержит сюжетные пропуски; он перемещается из одного культурного пространства в другое (как правило, это смена городского и деревенского локусов); он становится участником любовного сюжета; он переживает роковое событие, меняющее его жизнь. Изображению героя сопутствуют отсылки к предшествующей литературной традиции и авторские отступления, в которых обнаруживается автобиографизм произведения, одна из характерных черт которого — жанровый синкретизм.

Во второй главе «От Онегина к Печорину» подробно описаны и проанализированы ранние подражания пушкинскому роману в стихах, а также исследованы завершившиеся созданием Печорина «пробы» воплощения онегинского типа в созданных Лермонтовым произведениях различных жанров.

§ 1. Ранние подражания и пародии. Ранним подражаниям «Евгению Онегину» посвящено всего несколько работ³, потому имеются все основания обратиться к этому материалу еще раз. Еще до выхода в свет полного издания пушкинского романа и даже до публикации его последних глав начали появляться произведения, написанные по модели «Евгения Онегина». Среди них «Сашка» А. И. Полежаева (1825), «Нина» (1826) и «Именины» (1831) И. П. Косяровского, «Отрывки из повести Гусар» (1828) и «Отрывки из романа в стихах» (1830) А. А. Башилова, глава первая «Признания на тридцатом году жизни» (1828) П. Г. Волкова, «Евгений Вельский» М. И. Воскресенского (1828–1832), «Отрывок из поэмы “Иван Алексеевич”, или Новый “Евгений Онегин”» неизвестного автора (1829), «Котильон, глава первая из стихотворного романа “Ленин, или Жизнь поэта”» Н. Н. Муравьева (1829),

---

³ *Розанов И. Н.* Ранние подражания «Евгению Онегину» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М., Л., 1936. [Т.] 2. С. 213–239; *Турумова К. Ф.* «Евгений Вельский» и его автор // Вопросы литературы. 1972. № 8. С. 106–125; *Смирнова Н. В.* К вопросу о жанровой природе подражаний «Евгению Онегину» // А. С. Пушкин: Проблемы творчества. Калинин, 1987. С. 105–118; *Чумаков Ю. Н.* 1) «Евгений Онегин» и «Евгений Вельский» // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 83–96; 2) «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Там же. С. 97–107.

«Борский» А. И. Подолинского (1829), «Владимир и Анета» А. Северинова (1830), «Отрывок из безыменной повести» В. Горкуши (1831), глава первая «Консилиум» повести в стихах «Московские минеральные воды» И. Е. Великопольского, опубликованная под псевдонимом Ивелев (1831), «Бал» (1828) и «Наложница» (1830) Е. А. Баратынского.

К этой группе текстов, отразивших раннюю рецепцию «Евгения Онегина», примыкают стихотворные произведения 1830-х и начала 1840-х гг., в которых еще до публикации «Героя нашего времени» разрабатывался и варьировался созданный Пушкиным тип героя. В их числе следует назвать «Семейство Комариных» Н. Карцова (1834), «Бориса Ульина» А. Н. Карамзина (1839), «Три года жизни» П. В. Кукольника (1839), «Писателя» Н. Н. Федорова (1840), «Евгения и Людмилу» Н. Анордиста (Н. К. Радостина) (1840), «Графа Томского» Н. Колотенко (1840). Эта традиция продолжает свое развитие и во второй половине 1840-х гг., например, в повести в стихах Ф. Вахрушева «Гусар» (1846) и рассказе в стихах «Больной» Е. Вердеревского (1847).

В первой половине 1830-х гг. онегинский тип героя перестает восприниматься как персонаж исключительно стихотворного эпоса и появляется в прозаических текстах, таких как «Фрегат “Надежда”» А. А. Бестужева-Марлинского (1832–1833) или «Вся женская жизнь в нескольких часах» О. И. Сенковского (1834; опубликовано под псевдонимом Барон Брамбеус).

Ранние подражатели «Евгению Онегину» пытались воспроизводить характерные жанровые признаки романа в стихах и стихотворной повести (установку на достоверность изображаемых событий, непринужденную болтовню с читателем, лирические отступления, принципиальную незавершенность и др.). Типовые черты персонажа упрощались и часто сводились к однозначности (скучающий герой, герой-повеса).

Авторы стремились дать отсутствующую у Пушкина четкую мотивировку онегинской хандры, вводя в произведения освоенный

элегической поэзией сюжет (жизненный опыт, ведущий к смене восторженности разочарованностью). В этих случаях персонаж, близкий в начале произведения к Ленскому, мог затем наделяться чертами «охлажденного» Онегина. Даже Баратынский в «Бале» пошел по линии совмещения типовых черт двух пушкинских мужских персонажей в одном герое. В «Наложнице» Баратынского уже наблюдается отчетливое размежевание с поэтикой «Евгения Онегина».

§ 2. Путь Лермонтова к Печорину. Лермонтов предпринимает первую попытку создания образа современного героя в юношеской драме «Странный человек». Во Владимире Арбенине также смешаны черты Онегина и Ленского (не случаен и выбор его имени). Он поэт, романтик, пылко влюбленный в легкомысленную героиню, которая предпочитает его друга, и это становится причиной разочарования в людях и гибели Владимира. В дальнейшем Лермонтов двинулся принципиально иным путем, который можно определить как аналитический подход к генезису пушкинского героя: он работает прежде всего с двумя типами, предопределившими обрисовку онегинского характера, то сводя, то разводя их.

В «Демоне» Лермонтов напрямую, почти в обход Пушкина обращается к той европейской литературной традиции, которая питала «Онегина». В герое поэмы присутствуют и космический масштаб европейских демонических героев, и метафизическая составляющая, и осознанный выбор зла, совершенный по причинам вовсе не психологического свойства, и роковая, единственная, гибельная для героини любовь.

Непосредственному воплощению демонического типа сопутствуют у Лермонтова попытки более отчетливого, чем у Пушкина, совмещения его особенностей с характером современного героя. Арбенин в «Маскараде» наделен той же фамилией, что герой «Странного человека», но показательна смена имен: он уже не Владимир, а Евгений. Ему сообщены черты, роднящие его с героями романтических поэм Пушкина, в особенности с Алеко, а также — с Онегиным. Дальнейшая модификация онегинского типа — Печорин в

«Княгине Лиговской», резко очерченная озлобленность которого характерна для демонических героев.

В «Сашке», с его многочисленными и откровенными литературными отсылками — к Полежаеву, к «Опасному соседу» Василия Львовича, к байроновской повествовательной модели, опосредованной Пушкиным, многосоставен и образ героя, в генезисе которого — и черты Ленского, и онегинские черты, и вечная демоническая змеиная насмешка на устах.

§ 3. Печорин. По наблюдениям Д. Д. Благого, в «Герое нашего времени» Лермонтов собирает в один образ всех пушкинских героев онегинского типа. Герой проведен через фабульные или идейно-художественные ситуации южных поэм Пушкина, а затем и «Онегина». Любовная история в «Бэле» соответствует «Кавказскому пленнику». Одна и та же идея объединяет «Тамань» с «Цыганами»: «культура» в лице Алеко и Печорина вносит разрушение в дикую, первобытную, но по-своему «мирную» среду «честных контрабандистов». Наконец, фабула «Княжны Мери», как это не раз отмечалось, близка к фабуле «Евгения Онегина». Пушкин раскрывает образ своего героя прежде всего через любовный и дуэльный сюжеты. Оба эти момента находят отражение в «Княжне Мери».

Но кроме того, в «Герое нашего времени» мы видим прямую работу по совмещению онегинских черт с чертами демоническими. Вновь Лермонтов обращается к пушкинским источникам, теперь уже с равной активностью используя черты героев демонического и рефлектирующего типа. Принципиально важным в образе Печорина оказывается воплощенное в «Адольфе» самоосмысление героя, поданное в форме исповеди. Как и Адольф, он ищет взаимности несвободной женщины, испытывая к ней сильное в своем роде чувство. Как Адольф и Онегин, Печорин вписан в современный контекст, свободный от мистической составляющей. И в то же время черты демонических героев проявлены в нем достаточно отчетливо. Глаза его горят «фосфорическим блеском», а «разбойничью» тему Печорин реализует в тот момент, когда, неотличимый в национальном костюме от черкеса, пугает

княжну Мери. Подобно Мельмоту, Печорин появляется как «необходимое лицо пятого акта», в «развязке чужих драм», а в дуэльной истории он уже отнюдь не пассивен. Он считает, что «пыл благородных стремлений» навеки утрачен им потому, что он не угадал своего назначения, — и в том, что Лермонтов понимает под назначением, социальное и метафизическое измерения смыкаются.

В третьей главе «**Онегинский тип в 1840–1880-е годы**» рассмотрены трансформации онегинского типа за пределами эпохи Золотого века, в период, когда главенствующим оказывается принцип социальной пользы, а за героями исследуемого типа закрепляется определение «лишнего человека». Тип этот, однако, не утрачивает черт, сформировавшихся в 1820–1830-е годы, а связь с традицией этого времени тем отчетливее, что и в 1840-е годы его воплощения продолжают появляться в поэтических текстах.

§ 1. **Н. М. Языков.** Довольно слабое стихотворное произведение Н. М. Языкова «Странный случай» (1841) оказывается весьма показательным звеном в цепи преобразований онегинского типа. В одном из его героев (Скачкове) собраны как собственно онегинские черты, так и черты близких ему литературных персонажей, в другом (Власьеве) обрисован «пассивный» тип, получивший здесь (отчасти под влиянием Гоголя) то гипертрофированное выражение, какого еще не знала литературная традиция, определившая генезис пушкинского героя. Двое героев «Странного случая» служат наглядной демонстрацией того, как из пары «Кочкарев — Подколесин» получается пара «Штольц — Обломов»; произведение Языкова фиксирует самый момент превращения. Кроме того, попытка соединить, казалось бы, несоединимое: «Евгения Онегина» и «Женитьбу» — проясняет возможности дальнейших вариаций онегинского типа, связанные с наслоениями на пушкинский субстрат разнообразных чужеродных по отношению к нему литературных образов. Но при наличии многочисленных литературных ориентиров главной задачей самого Языкова была, по-видимому, типизация,

понимаемая уже в духе 1840-х годов: поэту хотелось воплотить черты, характеризующие его современников.

§ 2. Ап. Григорьев. «Демонический» тип героя, в произведении Языкова оставшийся не востребуемым, оказался чрезвычайно актуальным для другого поэта — Аполлона Григорьева. В целом ряде его текстов, написанных в середине 1840-х годов («Отрывок из сказаний об одной темной жизни» (1845), «Олимпий Радин» (1845), «Предсмертная исповедь» (1846), «Встреча» (1846), «Первая глава из романа “Отпетая”» (1847)), появляются персонажи, варьирующие онегинские характеристики.

В героях Григорьева гипертрофированы гордыня, эгоцентризм, желание властвовать над людьми — и это, безусловно, опосредованные Лермонтовым черты байронических титанических героев — черты «демонического» типа. При этом все персонажи Григорьева погружены в современный быт. Одним из важнейших мотивов становится ощущение героем некоего высокого предназначения и сожаление о нерастраченных силах — и наряду с трагической любовной коллизией именно оно (как и у Лермонтова), а не пресыщение светскими наслаждениями, разочарование в любви и дружбе или трагедия в прошлом и становится причиной хандры григорьевских персонажей. Тексты Ап. Григорьева, предваряя будущие вариации пушкинских сюжета и героя, в целом ряде случаев позволяют опознать иногда не вполне очевидный пушкинский генезис некоторых произведений.

§ 3. Герцен и Огарев. Одновременно — в прозе и в стихах — осмысливают онегинский тип в своих произведениях А. И. Герцен и Н. П. Огарев.

Ранняя попытка дать собственный вариант воплощения героя онегинского типа была предпринята Герценом в «Записках одного молодого человека» (1840) — одном из первых автобиографических опытов писателя и первом опубликованном им художественном произведении. На тесную связь Онегина с Бельтовым из «Кто виноват?» (1845–1846) Герцен прямо указывал

сам, при этом в обрисовке героя появляются и черты Ленского, а сюжетные ходы романа (который автор называл повестью) отсылают как к пушкинскому произведению, так и к «Герою нашего времени».

В это же время Огарев в стихотворении «Характер» (1841) представляет емкое описание исследуемого типа. Его же «Исповедь лишнего человека» (предположительно 1864), как и «Странный случай» Языкова — тексты, в которых наглядно представлен процесс трансформации литературного типа и связанного с ним типа повествования: проблематика, связанная с высоким поэтическим измерением, сопрягается со скромной бытовой прозой.

§ 4. М. В. Авдеев. «Тамарин». Многие авторы, выводившие своих героев с ориентацией на тип Онегина, делали это вполне умышленно, однако лишь для некоторых это превращалось в настоящую литературную игру. Особый случай представляет собой творчество М. В. Авдеева, для которого эпигонство стало сознательно избранной повествовательной стратегией, причем предметом пародии были уже не Онегин или Печорин, а порожденное ими явление, которое Авдеев характеризует как «печоринство».

§ 5. Онегинские черты в героях ранних произведений И. С. Тургенева. Практически во всех ранних произведениях Тургенева появляются персонажи, так или иначе варьирующие черты онегинского типа. Не случайно впервые они изображаются автором в стихотворных текстах, сходство которых с пушкинским романом неоднократно отмечалось в исследовательской литературе. Поэма 1843 года «Параша» с подзаголовком «Рассказ в стихах» наиболее близка к пушкинскому роману не только в обрисовке героев и сюжета, но и по форме. В 1845 году Тургенев создает романтическую поэму «Разговор» — ее сюжет составляет диалог между разочарованным молодым человеком и стариком отшельником. В поэме «Андрей» (1846) писатель обращается к шутливой форме, близкой к некоторым поэмам Лермонтова.

От поэтических произведений Тургенев переходит к текстам прозаическим, подготавливающим появление его романов. В Василии Лучинове из «Трех портретов» (1845), проявляются сниженные черты героев «демонического» типа. В повести «Бретёр» (1846) Тургенев предпринимает попытку развенчания «демонического героя», результатом которой становится превращение личности, обладающей, казалось бы, метафизическим масштабом, в обыкновенного задиру и пошляка. «Дневник лишнего человека» (1848–1850) представляет собой предсмертную исповедь героя, изложенную в форме дневника, в котором то и дело встречаются обращения к читателю, а самоописание героя отчасти напоминает исповедь Печорина. Вариацией на близкую тему становится рассказ «Гамлет Щигровского уезда» (опубл. 1849). А непосредственно созданию романа «Рудин» (1855) предшествовала работа над повестями «Два приятеля» (1853), «Переписка» (1854) и «Затишье» (1854), в которых встречаются прямые отсылки к различным сюжетным элементам пушкинского романа.

Говорить о том, что в каком-то из ранних произведений Тургенева во всей полноте воплощается онегинский тип, было бы неверно. Писатель сообщает своим персонажам различные черты пушкинского героя и его позднейших литературных воплощений: герои Тургенева скучают, выступают как соблазнитель, совершают злодеяния, являются участниками драматических любовных сюжетов, и постепенно все более важную роль начинает играть отсутствие деятельности, что получит повышенную значимость в романном творчестве писателя.

§ 6. Романы Тургенева; поэма Некрасова «Саша». В своих первых четырех романах («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», и «Отцы и дети») Тургенев концентрирует внимание на изображении героя в современном контексте.

Тургеневский роман подготовлен, с одной стороны, «психологическим» романом типа произведений Стерна или Руссо, а, с другой стороны — нравоописательным, событийным романом. Совмещение этих

двух традиций осуществлено Тургеневым вслед за Пушкиным и Лермонтовым. Среди мужских персонажей писателя в общем ряду с Онегиным чаще всего называют Рудина и Лаврецкого (который, впрочем, имеет и существенные черты отличия от пушкинского героя).

В 1857 году одновременно с «Рудиным» выходит поэма Н. А. Некрасова «Саша», в которой на первый план выведена напоминающая Татьяну героиня, а герой изображен в сатирическом ключе. В критике отмечалось сходство героя Некрасова с тургеневским, приводилось мнение читателей, нашедших в нем «того же Рудина, только переложенного в стихи»⁴. Позднее и сам Тургенев утверждал, что поэма была написана под влиянием его романа, однако более вероятно, что близость произведений явилась следствием общения писателей. Другой пассивный рефлексирующий герой Тургенева — Лаврецкий в «Дворянском гнезде». Однако еще Н. А. Добролюбов отмечал его отличие от типичного героя в духе Адольфа, заявляя, что в нем есть «что-то законно-трагическое, а не призрачное»⁵. От героев «Рудина» и «Дворянского гнезда» существенно отличается герой «Накануне», и это отличие, помимо всего прочего, маркировано тем, что в истории Инсарова появляются детали, характерные для сюжетов, в которых участвует «демонический» тип героя.

В «Отцах и детях» мы впервые встречаем воплощение онегинского типа в герое старшего поколения — Павле Петровиче Кирсанове. Движение исторического времени постепенно заставляло писателей отодвигать героев онегинского типа в прошлое, изображая их на фоне более молодого поколения.

Если ранние произведения Тургенева изобилуют отсылками к пушкинскому роману, то по мере движения к более поздним текстам связи персонажей писателя с онегинским типом постепенно ослабевают или вуалируются. Как и Лермонтов, Тургенев варьировал воплощения этого типа

---

⁴ Дудышкин С. С. Стихотворения Н. Некрасова // Отечественные записки. 1861. № 12. С. 87.

⁵ Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1963. Т. 6. С. 105.

в произведениях различных жанров — как поэтических, так и прозаических. Наибольшую близость к Онегину (и одновременно — к Адольфу) обнаруживает Рудин (параллель к которому составляет Агарин в «Саше»), продолжающий линию «пассивных» героев.

§ 7. Романы И. А. Гончарова. Связи с «Евгением Онегиным» прослеживаются во всех трех романах И. А. Гончарова. В «Обыкновенной истории» использован сюжетный ход, характерный для ранних подражателей Пушкину: «обыкновенность» истории заключается в том, что жизненный опыт ведет героя, начинавшего как пылкий Ленский, к скептицизму, прочитанному как характеристика Онегина. В «Обломове» дана, так сказать, квинтэссенция героя пассивного типа. Онегинский прототип здесь едва узнаваем, но промежуточные звенья общей традиции (в частности, «Странный случай» Языкова) позволяют уловить связь с героем романа в стихах. В «Обрыве» «пассивный» и «демонический» прототипы, сведенные в пушкинском герое и отчетливо соединенные в Печорине, вновь расщепляются на два типа: один из них представлен в Райском, сниженный вариант другого — в Волохове.

§ 8. Онегин и герои-скитальцы Ф. М. Достоевского. От Печорина онегинская линия напрямую ведет к Ставрогину в «Бесах». Так, например, Печорин записывает в дневнике: «Одни скажут <обо мне>: он был добрый малый, другие — мерзавец!.. И то и другое будет ложно»⁶. Между такими же взаимоисключающими определениями колеблются описания Ставрогина: «Казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен»⁷. Понятно, что речь здесь идет не просто о достоинствах внешности героя, а о его, так сказать, двуипостасной природе, которой отмечены демонические герои. В «Бесах» представлены сразу два поколения героев «онегинского» типа, к старшему относится воспитатель Ставрогина Степан Трофимович Верховенский, в юности сильно повлиявший на формирование характера

---

⁶ *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М., Л., 1957. Т. 6. С. 322.

⁷ *Достоевский Ф. М.* Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 37.

своего подопечного. Существенно, что другой герой онегинского типа у Достоевского — Версилов в «Подростке» — также принадлежит к поколению «отцов». Он наделен чертами «благородного искусителя», в глазах Аркадия он окружен ореолом таинственности и предстает то «искусителем», то «спасителем» — как Онегин в глазах Татьяны, совместившей в нем образы Ловласа и Грандисона.

Создавая героев онегинского типа, Достоевский сообщал им черты самых разных литературных персонажей, в том числе предшественников и наследников Онегина. Адольф, Фауст, Мельмот, Дон Жуан, принц Гарри, Гамлет, Печорин, Грушницкий, Павел Петрович Кирсанов, Рудин — таков далеко не исчерпывающий перечень героев, которым родственны Ставрогин, Версилов, Верховенский-старший. Достоевский возвращается к пушкинской традиции, воплощая одну из ее важнейших черт — полигенетическую природу образа. По Бахтину, герой романа «должен быть показан не как готовый и неизменный, а как становящийся, изменяющийся»⁸ — и здесь проясняется особая значимость произведений Достоевского, сумевшего не только ввести героя онегинского типа в исторический контекст 1870-х годов, но и передать ему такое же богатое литературное наследие, каким был наделен пушкинский Онегин, вобравший черты самых разных, непохожих друг на друга европейских героев. По замечанию Бочарова, Ставрогин положил начало новой формации героев, «принадлежащей уже иной эпохе и новому психологическому явлению — декадентству»⁹.

В **Заключении** подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего изучения воплощений онегинского типа героя — на материале творчества писателей XX века (прежде всего Андрея Белого, Владимира Набокова, Андрея Битова).

---

⁸ Бахтин М. М. Роман как литературный жанр // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. С. 614.

⁹ Бочаров С. Г. Французский эпиграф к «Евгению Онегину». Онегин и Ставрогин. Р. S. Примечания к теме об Онегине и Ставрогине // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 157.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

– публикации в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК:

1) Онегинский тип героя в русской литературной традиции // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 4 (414). С. 33–43 (Сер. «Филологические науки». Вып. 112);

2) Герой-автор в произведениях Пушкина, Гончарова и Набокова // Вестник Тверского государственного университета. 2018. № 3. С. 155–159 (Сер. «Филология»);

3) От Онегина к Печорину: К вопросу о ранних подражаниях пушкинскому роману // Филологические науки. 2019. № 2. С. 45– 50.

— прочие публикации:

4) Онегинский тип героя: К вопросу о генезисе и эволюции // XVIII Международная конференция студентов-филологов СПбГУ, Санкт-Петербург, 6–11 апреля 2015 г.: Тезисы докладов. СПб., 2015. С. 94.